

Какая запись в трудовой книжке у любого мало-мальски известного в кругу «киношников» каскадера? У ребят, снявшихся в десятках фильмов, задумавших и осуществивших трюки, от которых у зрителей кружится голова, а самые отъявленные пессимисты доказывают, что это есть не что иное, как гениальная мультипликация? Отвечаю. Самая распространенная «профессия» для каскадера — сторож (чаще при киностудиях, чтобы было «близко» к роду занятий), другая, менее «ценная» (почему? — ведь выбирать не приходится) запись в трудовой книжке — дворник. Виктор Иванов состоял дворником и сторожем при кинотеатре 16 лет, а в перерывах между «основной» работой снялся более чем в 120 художественных фильмах.

СИТУАЦИЯ

В фильме «Шла собака по ролло» один из главных героев должен был улететь на вертолете, держась за перекладину, на которой закреплены шасси. Роль пассажира предложили сыграть Иванову. Перед съемками вертолетчик успокоил: метров на десять поднимем и,

ния всех каскадеров более чем натянута. Лишнюю копейку на трюк — пусть ты даже на Луну верхом на ядре полетишь — не получишь. Лет пятьдесят назад принятые кем-то и подписанные директивы на этот счет не изменились, по сей день заморожены. Упал с табуретки — получи 56 руб. 00 коп. А если прыгаешь с крыши вагона горящего поезда? Тариф тот же. На первой всесоюзной конференции каскадеров до хрипоты спорили: система оплаты должна быть договорной. Год прошел. Где-то, в чьих-то кабинетах застряли их предложения. И не только об оплате. О статусе — тоже: ведь до сих пор ни больничных, ни отпусков, ни своего профсоюза. Каскадер, говорят ребята, не профессия — образ жизни. Но чтобы образ соответствовал действительности, этот «маленький нюансик» должен быть скреплен в трудовой книжке гербовой печатью.

Саша Андреев — был такой каскадер экстра-класса — сказал как-то с горечью: «Заслужить право за 50 рублей сломать хребет? Дано только фанатам...»

— При каком условии ты смог бы отказаться от профессии? — В случае клинической смерти...

Три года Иванов гонялся на «формуле». Владислав Барковский — друг и коллега, а также «крестный отец» — именно он привел Виктора в кино, уговорил заняться гонками. «Пригодится!» — объяснил. В 83-м Иванов сказал себе: «Хватит гоняться!» Ушел. И унес с собой красивую мечту. Он благодарен «формуле», ее скорости — именно она подарила ему мечту — его траекторию полета. Когда впервые поделился идеей с Барковским, тот мягко предупредил: «На машинах, которые нам дают на съемки, этого невозможно!»

Что ж, препятствие серьезное. На чем «кувыркаются» наши каскадеры, известно, наверное, не многим. Обычно режиссер, закатывая глаза, рассказывает: «Вот вчера в одном итальянском фильме трюк видел — закатывается...». Но глаза-то он закатывает не от восторга, нет. Просто ему очень не хочется видеть машины, которые только что пригнали из автопарка — «лысая»

ну. На киностудии имени М. Горького шли съемки фильма «Последняя встреча». Каскадерам (тогда их называли просто — дублерами) в этой картине предстояло «кувыркнуться» на бензовозе и одному из них — «выпасть» на скорости из кабины. (По сценарию «старички» шоферы таким образом спасали своего юного друга). Роль юного друга и должен был сыграть Витя Иванов — не роль, простите, эпизод выпадения. Первый дубль режиссер отверг напрочь: «Вы, юноша, слишком профессионально падаете. Это акробатика. Не надо зрителя обманывать...» Второй дубль был «веселее», но тоже не устроил «киношников»: «Цирк, а нам жизнь нужна».

— Перед съемками следующего дубля я решил так: просто выпадать с закрытыми глазами, будь что будет. Барковскому, он за шофера снимался (кстати, Владимир Меньшов роль эту играл), сказал: «Толкнули, что есть мочи...» Подстелили мы два шольных мата — полтора на два — на асфальт и — поехали... — Пришли после съемок в гостиницу, — вспоминал Владислав Барковский, — разделся Витя — у нас в глазах потемнело: был весь синий, что казалось, цвет кожи такой. — Зато я понял главное: научиться падать для каскадера — главное.

— Падаю и вставая, ты растешь? — Очень точно, но, по-моему, это сказал кто-то из великих спортсменов. — Голландец Схенк. Рекордсмен мира по конькобежному спорту. — Мы бы взяли его в нашу команду... Свой. — А ты, Витя, считаешь себя настоящим мужчиной? — Пока не было оснований говорить обратное. — А какие качества, на твой взгляд, определяют «мужское начало» в мужчине? — Ответственность. И умение дружить, страховать человека, которого уважаешь.

Семь лет идти к исполнению замысла и чудь все не испортить на последние секундах его реализации...

Они разогнались вместе, параллельно друг другу, поезд с платформами и легковая машина, за рулем которой сидел Виктор Иванов. На трамплин машина должна была заходить с поворота. Многие зависели от машиниста (локомотив находился в хвосте поезда, и он следил за разгоном машины), ему необходимо было набирать «скорость по четко выстроенному графику. Из графика он выбыл, может быть, на доли секунды — шел чуть медленнее. Иванову тоже пришлось газ немного сбросить. А колеса — по традиции — «лысые». Поэтому на трамплине, когда машина пошла на подъем, скорость упала еще на долю деления. Колеса оторвались от настила — автомобиль на миг завис над платформами — проскочила одна, вторая, на третьей левый бортник был опущен. («А если бы он был поднят?» — только об этом успел подумать в тот момент Иванов. Хотя, когда перед подготовкой к трюку считали варианты, именно он настаивал на этом). И все же скорости не хватало — задние колеса чиркнули по железному ребру платформы. Автомобиль дернулся, клюнул носом и пошел на посадку. «ВПШ» — шоссечная дорога. Удар об асфальт оказался настолько мощным, что правое переднее колесо «отстегнулось». Машину потащило вправо, где стояли две камеры. Вокруг зрением Иванов заметил, что операторы провожают его панорамой. Одной рукой пытаюсь удержать машину, другой сбросил с головы шлем. Ситуацию надо было доиграть до конца. На экране должно быть все чисто. А еще через секунду машина ткнулась одним передним колесом в бордюрик и замерла. «Полет прошел успешно», — констатировал Иванов. — Траектория — 29 метров. Все».

— Виктор, риск — дело благородное? — Знаешь, хочется сделать то, что не делал никто и никогда.

— Погоня за сенсацией? — Нет. Это борьба за свою профессию.

ЕДИНСТВЕННАЯ ПОПЫТКА

Он готовился к ней семь лет.

На осуществление понадобилось несколько секунд

не мешная, мягко сядем. Словом, дел на копейку, всего несколько секунд поболтаться между небом и землей... Когда у режиссера, а потом и у оператора слетели шапки, оба схватились за голову. Режиссер — на самом деле, оператор — мысленно; бросить кинокамеру в такой ситуации он не мог — трюк надо было отснять. А Иванов болтался между небом и землей — вертолет поднялся почти на сто метров. Когда через три минуты «мягко сели» от перекладины Иванова отрывала вся съемочная группа. Вертолетчик из кабины не выходил, задрала все двери, и кричал в форточку: «Я не виноват. В поток попал. Восходящий». Витю долго уговаривали провинившегося не бить. «В конце концов», — сказала гримерша, — все кончилось благополучно. Ты, Иванов, жив и здоров, даже грим менять не надо. Если, конечно, дубль еще понадобится».

Не понадобилось. Оператор оказался на такой же высоте, как и Иванов. — На экране — не я, бунашка. Мне часто потом говорили: не заливай, куклу привязали к перекладине... — А разве тебе страховочный пояс не надели? — Так летун говорил — всего на десять метров. — Ситуация безвыходная? — Пока единственная в моей съемочной жизни неуправляемая — так будет правильно — ситуация. Я был никто. Хм, действительно кукла. — Было страшно? — Было. Но это страх не парализующий — мобилизующий. И спас именно он. Вернее, сохранил.

У «сторожа» Иванова была мечта. Когда в перерывах между основной работой он выполнял разные трюки — горел, падал с лошади и из окна пятого этажа, попадал в автостаффы — о мечте забывал. На «основной» работе времени хватало, чтобы многое обдумать. Когда поздней ночью по «маяку» передавали информацию о запасе очередного спутника, при словах «траектория полета» он вздрагивал. Траектория своего полета ему давно уже снилась.

Приступая к чтению очередного сценария, Виктор начинал примеривать эпизоды к своей задумке. Но чаще всего режиссеры — а когда разговор заходил о средствах — и администрация фильма наотрез отказывались принимать эту сцену к производству. Впрочем, с дирекцией отноше-

В команду Виктора Иванова приходят и спортсмены, и десантники, и циркачи. Получается, конечно, не у всех. Кто остается?

— Хорошие люди остаются. Чело-веки, — в растяжку скажет Иванов, что-то вспомнив вдруг, осторожно, мягким движением пальцев тронет подковку шрама над правой бровью и продолжит: — Нам ведь подолгу приходится жить в экспедициях. Психологические нагрузки — какие мы? Человеческие качества важны. Прекрасные исполнители есть, а как люди — дерьмо... Выбираю? Да. Пусть будет середнячок. На трюк — час, ну два. А в сутках — 24. Надо еще жить.

СИТУАЦИЯ

Эпизод предполагался пустячный. Грузовик с «немцами» падает с моста, опоры которого подпилили «партизаны», в неглубокую речушку-ручеек. Все идет, как по маслу. Старого образца драндулет, клюнув носом, летит вниз. «Немцы» — команда Иванова — сыплются, как горох, на мелководье и замيراют в нелепых позах — «готовый» (по сценарию). И вдруг один — новичок, только что принятый в группу, — встает и, как человек, упавший нечаянно в лужу, начинает отряхиваться. Ребята, почти все, не поднимая голов, зарычали на недотепу: «Ложись, ты же мертвый, убитый фашист...» Тот, видно, понял и, как мешок с картошкой, рухнул снова.

— Конец работы, когда звучит команда «стоп».

— А если невмоготу, Витя, если больно?

— Бывает. Но смысл работы терять нельзя. Ну, например, с машиной, которая кувыркается с моста. Если эпизод не отсняли, если «убитый» встает не по сценарию, надо машину из речки доставать, ремонтировать — нам же! — и снова кувыркаться. — Ну а вдруг голову кто-нибудь сломает?

— Когда я со стороны смотрю исполнение трюка, мне очень страшно: там же мои товарищи. Первое движение — побежать и прекратить этот кошмар. Странно... — Что странно? — Своих близких друзей ты должен поджигать, бить по голове, сбивать машиной. И чем правдивее это будет выглядеть, тем лучше. — Что ты больше всего ценишь в самом себе? — Надежность. — А в окружающих тебя людях? — Надежность.

резина, кузова скручены проволокой. Но даже такой внешний вид бывает богаче внутреннего содержания — движок обычно дышит на ладан. А по сценарию завтра — погоня, тараны и много еще такого, для чего эти «телеги» непригодны.

Но делать нечего. Всю ночь, а то и неделю — две, колдуют ребята над техникой. Говорят, здесь рождается столько предложений, что ВОИРу и не снилось.

Каскадер вообще — мастер на все руки. Защитное снаряжение, ремни, крепления ребята делают сами. Вид, конечно, непрезентабельный. Зато надежно! Но... Однажды ребята работали с американцами в фильме «Петр Великий». Трюки — море. Падение с колокольни, батальные сцены, конные атаки, рукопашный бой. Работали на одном дыхании. «Высший пилотаж», — оператор и его помощники показывали большой палец. А после съемок донимали вопросами. «Где же ваше спецоборудование?» «В дороге. Вот-вот поведут», — говорили ребята. Дорога оказалась слишком длинной. К концу съемок деликатные американцы только пожимали в недоумении плечами. Но уже ничего не спрашивали.

И все же Иванов о своей «траектории полета» не забывал. Он решил этот трюк сделать. Идее суждено было сбыться через семь лет после ее задумки. Его пригласили сниматься в остросюжетном фильме «Капкан для шакала». Когда он рассказал о своей идее, режиссер загорелся: «Давай!» На деревянный трамплин длиной 25 метров, шириной 3 — Иванов выбрал весь годовой лимит студии на дерево. Но самым сложным оказалось сделать расчет веса балласта в заднем багажнике автомобиля. Иванов обратился к специалистам. Отказали: «Ты кувыркнешься, голову сломаешь, а нам отвечать?». Расчет он сделал сам.

СИТУАЦИЯ

В 1972 году Барковский привел на смотры и режиссеру Б. Бунееву молодого парниш-